

R 556

12

Национал-социалисты собираются
выселить марксизм из Германии.

Москва, Март 1933 г.

Ж

РОКОДИЛ

№ 7

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ЦЕНА НОМЕРА 30 КОП.

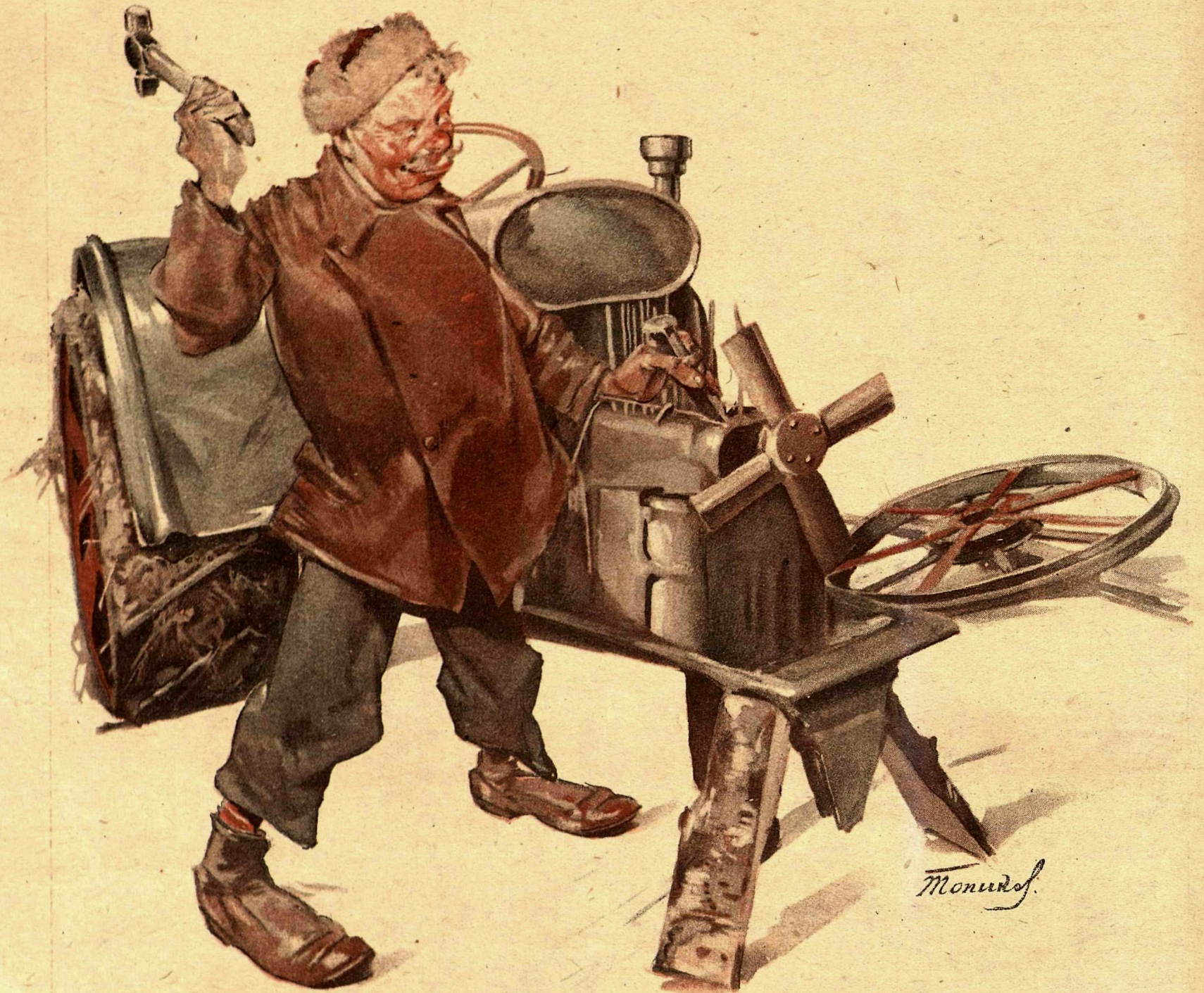
— Я никогда не думал, что одного человека так трудно выселить.

(Рис. Л. Бредат)

КОГДА ДИРЕКТОР СОВХОЗА — „ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ“ ... (ОБМЕН ЛЮБЕЗНОСТЯМИ)

(Рис. А. Топикова)

КУЛАК: — Он мне выводит в приход сверхурочные, а я ему в расход тракторы...

НА ВЕРХНЕЙ ПОЛКЕ

Под вагоном стучали колеса.

Мы уже давно оставили позади старую станцию Челябинск и новый пригород из больших, белых, как волжские пароходы, домов и алмазную цепь Челябинска в раскрытом футляре сумерек.

Темнело.

Окна в вагоне лоснились и были черны, как кожа, покрытая лаком. В темноте исчезли белые вежи с растущими в сторону Магнитогорска километрами.

Я лежал на верхней полке.

Стучали колеса.

И вдруг этот стук прекратился.

...Поезд стоял на станции Свердловск. Пришел ли он сюда обратным ходом? Или еще не выезжал отсюда? Точно ли это была станция Свердловск? Я всмотрелся и прочитал на вокзальной стене: „Екатеринбург“.

За вокзалом, где вчера еще на мощеной площади скрежетали по кольцу вагоны трамвая, было сегодня тихо, дремотно, пустынно. Старый будочник стоял по голенище в грязи.

Справа булькала пузырями гниющая Исетская запруда. Прямо под белую твердыню господ Харитоновых, под величественные фронтоны и колоннаду ползла в мокрых етрупях мелочь тесовых домишек.

Происходили невообразимые вещи — как в опере, где на виду у зрителя проваливается в люки град Китеж и возникают озеро, скалы, столетние дубы.

Вот маячил здесь долговязый собор, вот была уже на его месте гладкая, точно выбритая, площадь, и опять стоит этот каменный

верзила с умильным лицемерным крестиком на спице. Сборные звонкие колокола вновь разводили дискуссию на весь город.

Я увидел на площади попа в лиловой рясе.

Пухлые его щеки лоснились, как семга.

А рядом в улочке увидел я квартального с „селедкой“ на боку, купца в глубоком картузе, продавца шанежек на лампадном масле, мужика с оброчными глазами, просвирию... Квартальный поймал за шиворот мужика и потащил „куда следует“.

Хмельной чумичка-сапожник, прозванный в квартале „блошиным заповедником“, брел в курную баньку, что дымилась на грязнейшей во всем городе Сенной площади.

— Кудакошь? — спрашивали соседские.

— А в баньку, — блаженно отвечал сапожник, — блох менять!

На улицах грязь пенилась, хлюпала, брызгала из-под копыт в лицо.

Серые щегольские кони вонзались в жижу по бабки.

На передке высилась гора жирного мяса, завернутая в армяк со сплошными складками.

С высоты холуйских козел мясо презирало улицу. Жирное мясо орало:

— Берегись!!

В карете, обшитой внутри атласом, ехали господа, такие нежные, такие красивые и такие нарядные, что прямо невозможно было представить себе дверцу раскрытой настезь, а этих нежных красавцев выброшенными из кареты прямо в грязь.

...Происходили невообразимые вещи.

Пестрый, как попугай, состав из зеленых, желтых и синих вагонов потащился по Орской дороге. Опять миновали Челябинск. Но за старым вокзалом не было нового пригорода из белых, как пароходы, домов.

ПРО ГЛАВНОЕ

Вчера, прощаясь, сказал редактор:
— Главная тема — весенний сев!
Чтоб были готовы и конь и трактор,
Чтобы за сев отвечали все.
Чтоб город вплотную помог колхозу,
А не так, что, мол, он у деревни в гостях...
Хлестните покрепче стихом или прозой
Тех, кто забыл о запасных частях!

„Хлестните покрепче!“ Я сам про это
Думал. Ведь в воздухе пахнет весной!
И стыдно сатирику и поэту
Стоять в стороне от посевной.
И нынче, склонясь над столом рабочим,
Я вижу героев колхозных полей.
О, как бы хотел я сейчас помочь им
От сердца идущей строчкой моей!

Право, порой я вижу несчастье
В том, что я только токарь стиха:
Сейчас вот — нужны запасные части,—
А я по части частей — никак!
Кричать другим, чтоб они поднажали,—
Они, пожалуй, скажут: — А сам?
Что я могу? Я могу лишь жалить,
Жалить мешающих, как оса.

Всюду — в редакциях и на заводах,
Белкой вертясь в городском колесе,—
Поэты, рабочие и счетоводы —
Мы все — порой забываем про сев.
Поздней ночью по переулкам,
Идя с заседаний, спеша на завод,
Мы нюхаем запах свежей булки,
Забыв, что булки не падают в рот.

О хлебе — никто не позабывает.
Встал, оделся — вынь да положь!
Но хлеба из воздуха — не бывает,
Для хлеба нужны — пшеница и рожь.
Стройка — кипит, Союз наш — огромен,
И надо запомнить всем навсегда:
Мука для пекарен, как уголь для домен,
Требует сил, борьбы и труда!

Я знаю, я знаю, товарищ редактор:
Я отошел от задания слегка,—
Я не писал про коня и трактор
И отстающих не взял за бока.
Стих мой не дышит отвагой и злостью,—
Но надо на злость заработать права.
Раньше в колхозах бывал, как гость я,
И надо себя перестроить сперва.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

А там, где переливалась алмазная цепь Челябингрэса, стало темно и пусто, словно перед рассветом прошел по улице фонарщик и погасил все огни.

Но и улицы никакой не было.
Зеленая пустошь бежала в серую даль, к синим уральским острогам.

На крошечной станции Карталы, такой крошечной, что казалась она сложенной из щепочек, тикали старинные ходики. В квартире начальника распелась канарейка. Я спрашивал господина начальника:

— Скоро ли пойдет поезд в Магнитогорск?

Начальник станции отвечал удивленно:

— Никакого такого Магнитогорска у нас по линии не было и нет. И линии такой нет. Орская линия действительно есть. И есть город Орск!

...Свистел ветер в южно-уральских степях. Поднимал пыль. Тербил, как войлок, мохнатую шерсть на башкирской лошадке. Бричка уткой переваливалась по бездорожью. Меня мотало в кузове. В ушах стояло:

— Не Магнитогорск, а Орск. Орск, а не Магнитогорск!

Бричку нестерпимо дернуло. У меня заныло в боку и... я открыл глаза.

— Магнитогорск, Магнитогорск! Слезай, приехали, — тербили меня. — Уж кто заберется на верхнюю полку...

За окнами полыхали багровыми огнями домны, горели факелы Коксохима, вспыхивали голубыми молниями автогены, и множеством зовущих гоньков расчертил свою территорию город Магнитогорск, новый неопровержимый Магнитогорск.

Л. МИТНИЦКИЙ

НЕПРИЯТНЫЙ РАЗГОВОР

Золотая цепочка не змеится на его широком животе, потому что лежит спрятанная в старом сапоге под кроватью, а живот у него строго сдержанных размеров. И рыжей распушенной бороды тоже нет. И сапог бутылками нет. Словом, любой плакатист не дал бы двух копеек за такую внешность для антиулацкого плаката. И входит он в паспортное бюро, не отыскивая глазами икону в углу, на которую он мог бы размашисто перекреститься, а солидно присаживается у столика, деловито раскладывает свои документы.

Документов у него невероятное количество. Решительно на все случаи жизни. Даже если бы у него спросили, любит ли он пироги с капустой, он быстро отыскал бы скленную в четырех местах справку из сельсовета:

— Так точно. Любил. Разрешите — справку с печатью.

Но его спрашивают о другом. И диалог становится глубже и любопытнее.

— Так вы, говорите, маляр?

— Так точно. С издетства маляр. Разрешите справку представить? И папаша у нас маляр и сродственники тоже маляруют.

— В Москву в 32 году прибыли?

— Мы-то? Так точно. Прибыли. Имею справку о прибытии.

— Так. А до 32 года тоже маляром были?

— С издетства. Ежели, например, стены побелить либо потолок выкрасить...

— Так. А почему вы в 32 году из деревни уехали?

— Мы-то? Уехали. Имею справку.

— Не надо. Перед колхозом уехали или после?

— В аккурат после уехали.

— А почему уехали? Вы что же, торговлей в деревне занимались или чем другим?

— Мы-то? Мы-то крестьянствовали. И папаша у нас крестьянствовали и сродственники которые. С издетства.

— Хозяйство небольшое было?

— Какое же хозяйство? Коровенка да куренок.

— И все в колхоз сдали?

— Мы-то? В колхоз. Раз дело общественное, — мне коровенки не жалко.

— А четвертую корову сами сдали?

— Четвертую? И четвертую сами. Имею справку!

— Судимости имеете?

— Нам это ни к чему. Нас судить не за что. Мы советские. Мы — за!

— А наказание где отбывали?

— Наказание в Рязани!

— Это по последнему делу, а за скрытие хлеба — тоже в Рязани?

— За скрытие тоже в Рязани. Имею справку.

— Не надо. Избирательных прав лишались?

— Никак нет. Нас лишать нечего. Папаша с издетства крестьянствовал, сродственники которые...

— А когда вам отказали в восстановлении?

— А отказано в 1929 году, в феврале месяце. Имею справку. Вот эта желтенькая. Извиняюсь, порватая немножко!

— А сейчас, значит, вы — маляр?

— Так точно — малярую. С издетства. И папаша у нас...

— Так. И папаша. Днем маляруете?

— Днем!

— Днем? Хорошо. А когда ж вы успеваете — днем вы на базаре торгуете? Может, вечером маляруете?

— Так точно — по вечерам больше приходится.

— И хорошо зарабатываете?

— Какой наш заработок! Щи да каша. По выходным чайку попьешь.

— Так. А на скупку товаров для продажи откуда деньги берете? Занимаете?

— Никак нет, — собственные. Утром отдашь — вечером веротишь. По-честному, по-хорошему. Маляры мы. С издетства. И папаша у нас...

— Так. И папаша маляр? Хорошо. Он сейчас у Кирилла и Мефодия старостой?

— Никак нет — у Дарьи-великомученицы!

— Кустарь-одиночка?

— Папаша-то? Наш-то? Одиночка. С издетства одиночка!

— А работники на него не жалуются?

— На что же жаловаться, на папашу-то? Жалованье он аккуратно им платит, по выходным полдня они у него работают. У нас папаша советский закон понимает. Он не то чтобы против партии и правительства. Он — за. И справки имеет, ежели что потребуется!

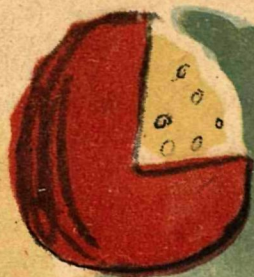
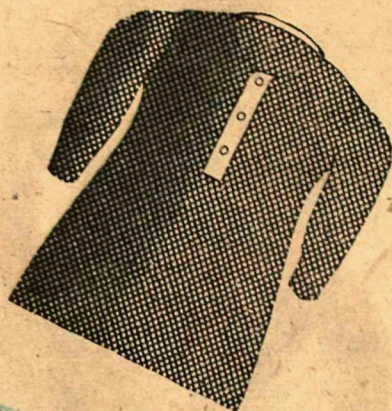
— Ну, довольно. Следующий. Вяков, Иван Семенович!

— Извиняюсь, а как насчет папаша? Нет? За что же трудящего обижаете? Пятнадцать лет при советской власти живу — такая обида. Ежели справки какой не достал, так я...

И золотой цепочки у него на животе нет. И сапог бутылками нет. И живота у него нет. И паспорта у него наверняка не будет.

А. БУХОВ

И РАЖА

МИХ. ЗОЩЕНКО

(Иллюстрации Л. Бродаты)

Вот мне часто говорят: „Поскольку вы, товарищ, сатирик, написали бы вместо развлекательных вещей чего-нибудь остро сатирическое, ну там, о ворах, спекулянтах, перерожденцах и мошенниках. Громите их, милый. Не стесняйтесь. Давите их своим дарованием. Чтобы пыль с них, мерзавцев, летела“.

Нет, братцы, мы не верим в целебные свойства такой сатиры. Мы не верим, что эти проходимцы и жулики интересуются последними новинками художественной литературы. Мы не верим, что, прочитавши наше такое сатирическое произведение, ряд жуликов одумается и начнет вести правильную жизнь.

Конечно, если там взять фактик да намекнуть, где это было, да перечислить фамилии, да сообщить куда следует, или послать журнал в прокуратуру — такая сатирическая вещичка, пожалуй, подействует.

Подействует, конечно, и такая вещь, которая вскроет чего-нибудь новенькое в области жульничества, предупредит дальнейший ход событий и осветит, так сказать, дело, чтоб другим было неповадно.

Вот такой сатирой мы еще можем, пожалуй, заинтересоваться.

Вот попробуем своим пером сатирика коснуться именно такого дела.

А случилась, знаете, кража в нашем кооперативе. Ну вообще — закрытый распределитель. Много товаров. На витрине утки лежат. Приятный голландский сыр. Дамские чулки. Одеколон. Папиросы.

Все это было выставлено в витрине. И, конечно, привлекло чей-то взор.

Одним словом, ночью с заднего хода проник ворюга, подпилит дверь, снял крючок и похозяйничал в магазине. Уволок товару на большую сумму.

И главное — дворник у ворот спал, ничего не заметил.

— Какие-то сны, говорит, мне, действительно, показывали, но ничего такого я не слыхал.

Он очень, между прочим, перепугался, когда воровство обнаружили. Бегал по магазину, за всех цеплялся. Умолял его не подводить.

Заведующий говорит:

— Твое дело маленькое. Что ты спал, за это тебя по головке не погладят, но навряд ли тебе пришьют какое-нибудь обвинение. Так что ты не пугайся, не путайся под ногами и не нервируй работников прилавка своими восклицаниями, а иди себе и досыпай дома.

Но дворник не уходит. Стоит и расстраивается.

Главное его расстраивает, что так много уперли.

— Вот этого, говорит, я прямо не могу понять. Я сплю завсегда чутко и завсегда ноги протягиваю вдоль ворот. Не может быть, чтобы через меня два мешка сахару перенесли.

Заведующий говорит:

— Дюже крепко спал, сукин сын. Это ужаси подобно, сколько уперли.

Дворник говорит:

— Чтоб много уперли, этого не может быть. Я бы проснулся.

Заведующий говорит:

— А вот сейчас составим актик, увидим, какая ты есть ворона — такой убыток государству нанес.

Тут начали составлять акт в присутствии милиции. Начали говорить цифры. Подсчитывать. Прикидывать.

Бедняга дворник только руками всплескивает и чуть ни плачет — до того, видимо, страдает человек, сочувствует государству и унижает себя за сонное состояние.

Заведующий говорит:

— Пишите. Девять пудов рафинаду. Папиросы „Ант“—160 пачек. Дамские чулки — две дюжины. Восемь кругов колбасы.

Он диктует, а дворник прямо подпрыгивает при каждой цифре.

Вдруг кассирша говорит:

— Из кассы, запишите, сперли боны на 132 рубля. Три чернильных карандаша и ножницы.

При этих словах дворник начал даже хрюкать и приседать, — до того, видать, огорчился человек своей позорной невнимательностью.

Заведующий говорит милиции:

— Уберите этого дворника. Он только мешает своим хрюканьем.

Милиционер говорит:

— Слушай, дядя, уходи домой. Тебя попросят, когда надо будет.

В это время счетовод кричит из задней комнаты:

— У меня висело шелковое кашне на стене, теперь его нету. Прошу записать, я потребую возместить нанесенные мне убытки.

Дворник вдруг говорит:

— Сволочи! Не брал я у тебя кашне. И восемь кругов колбасы, — это прямо издевательство. Взято два круга колбасы.

Тут наступила в магазине отчаянная тишина.

Дворник говорит:

— Пес с вами. Сознаюсь. Я своровал. Но я честный человек. Меня возмущает такое составление акта. Я не позволю лишнее приписывать.

Милиционер говорит:

— Стало быть, это ты, подлец, проник в магазин?

Дворник говорит:

— Я. Но я не трогал эти боны и ножницы и это сволочное кашне. Я, говорит, взял полмешка сахара, дамские чулки — одну дюжину и два круга колбасы. Я, говорит, не позволю иметь такое жульничество под моим флагом.

Заведующий говорит:

— Конечно мы можем ошибиться. Но мы проверим. Я очень рад, если меньше украли. Сейчас прикинем на весы.

Кассирша говорит:

— Пардон, боны завалились в угол. Боны не взяты. Но ножниц нету.

Дворник говорит:

— Я тебе сейчас плюну в бесстыжие глаза. Я не брал твоих ножей, ищи лучше.

Кассирша говорит:

— Ножницы нашла. Они за кассу завалились.

Счетовод говорит:

— Кашне тоже найдено. Оно у меня в боковом кармане заболталось.

Заведующий говорит:

— Перепишите акт. Сахару действительно нехватает полмешка.

Дворник говорит:

— Сволочь, считай колбасу! Или я сам за себя не отвечаю. У меня есть свидетельница — тетя Ньюша.

Вскоре подсчитали товар, оказалось, — украли все, как сказал дворник.

Его взяли под микитки и увели в отделение.

Тетю Ньюшу тоже задержали. У ней было спрятано украденное. Все это у ней отобрали, за исключением одного круга колбасы, который она успела загнать на рынке.

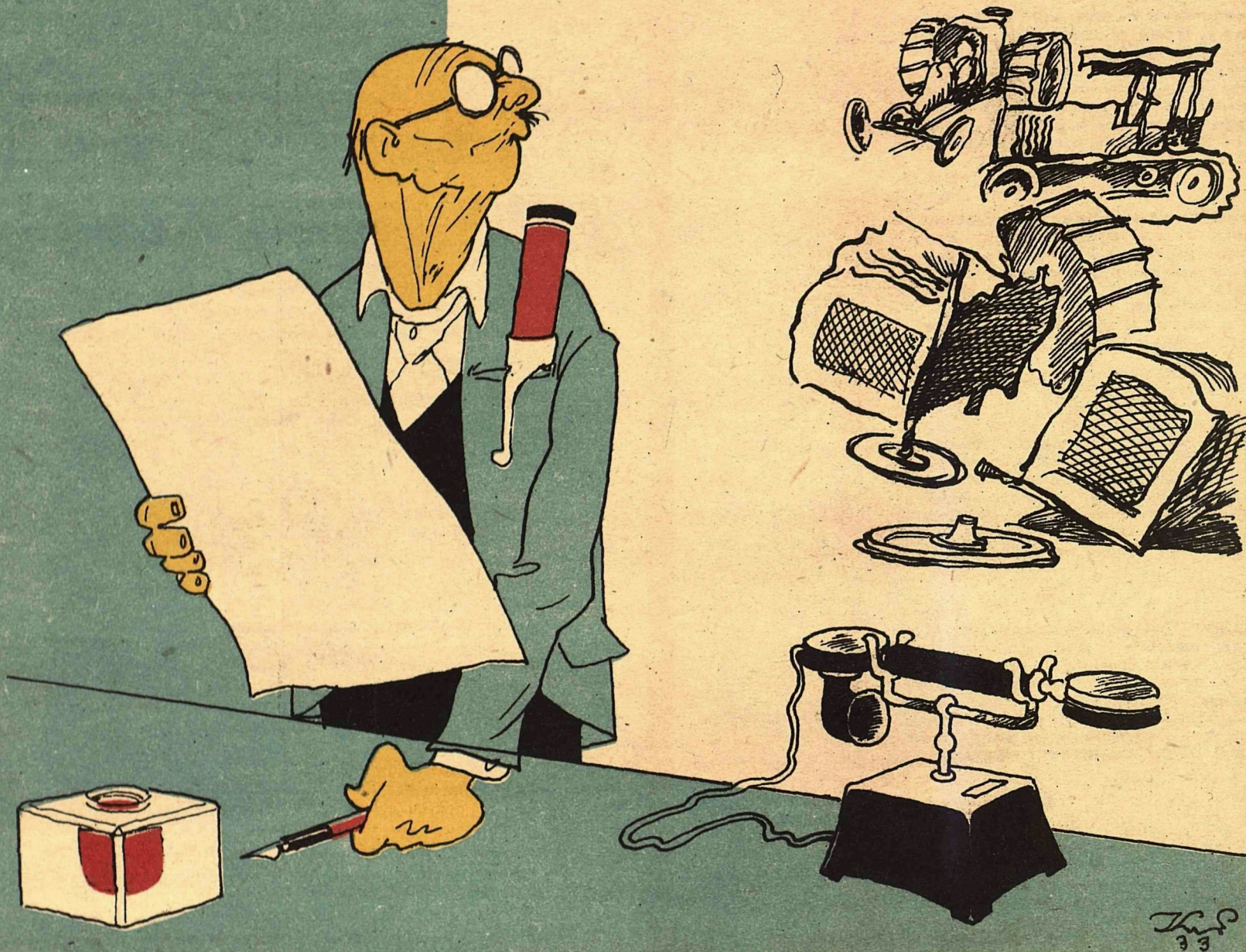

Чего автор хотел сказать этой сатирической вещицей? Куда направлено наше сатирическое жало?

Жало нашей сатиры направлено на дальнейшие события. Мы желаем предупредить подобные факты. А то, знаете, уворуют на копейку, а навернут на тысячу.

В крайнем случае, это произведение можно зачитать как развлекательный материал под лозунгом — показ живого человека.

МИХ. ЗОЩЕНКО

БЮРОКРАТ: — Безобразно, неужели мой последний циркуляр о запасных частях сюда еще не дошел?..

РАДОСТЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

Сатирик подобен ассенизатору: он имеет дело с нечистотами.

Изо дня в день травить негодное, копаться в отбросах, хлестать, бичевать...

Нет, нет! Нужно писать и положительные фельетоны.

К тому же весна. Солнце прочихалось от зимнего гриппа. Итак, попробую написать о выставке для колхозников-ударников.

Я мчусь, побритый и красивый, на курьерском трамвае „А“ к Дому крестьянина. Вхожу свободно.

— Где раздевалка?

Румяный, жизнерадостный милиционер улыбается.

— Можно одетши. Вот и выставка.

Первое впечатление — весенняя пляска опьяневших от радости радуг.

Тысячи разноцветных диаграмм и картограмм. Наркомземовские Ван-Гоги и Пикассо разрисовали миллион кривых кружочков, столбиков. Кривые взбираются к потолку, идут ломаной линией. Кубики и столбики прыгают, кружочки крутятся. Стены пылают.

Очаровательный заведующий тов. Сазонов подходит ко мне. Он узнал журналиста. Он рад критике.

- Хорошо?
- Чудесно!
- И заметьте — в три дня! Без единого копейки!
- Замечательно.

Действительно, какие мы молодцы.

— Откройте, голубчик, секрет. Откуда эти чудеса?

— Вещь простая. Отчётность в каждом кабинете есть. Снял — и готово!..

— Но трудности, трудности...

— Трудности, конечно, большие. Каждое управление и институт горят энтузиазмом. Им, конечно, хочется показать все свои ведомости, все схемы, все кривые и столбики. Им не только этих стен мало, но и стен Китай-города! Куда там Китай-города, — Китайской стены мало!

— И как же вы справились?
— Собственно — не я, природа регулирует. В природе ограниченное количество гвоздей, кнопок и фанеры.

— Да! Природа предусмотрительна. Но тут меня, по обыкновению, начинает точить червь критиканства.

— Может, много бумажной отчетности? Может, лучше бы выставить модели?

Но оптимизм заведующего сразу оглушает червя.

— Вы не знаете, товарищ, нового крестьянина. Колхозники привыкли к отчетности. На модели будут смотреть, как на игрушки.

— Поразительно! Да, да, мы не знакомы с деревней!

— О! Это сплошь главбухи! Арифмометр у них — первейший предмет домашнего обихода.

— Великолепно!

Но разве моего червя удержишь.

— А кулак у вас показан?

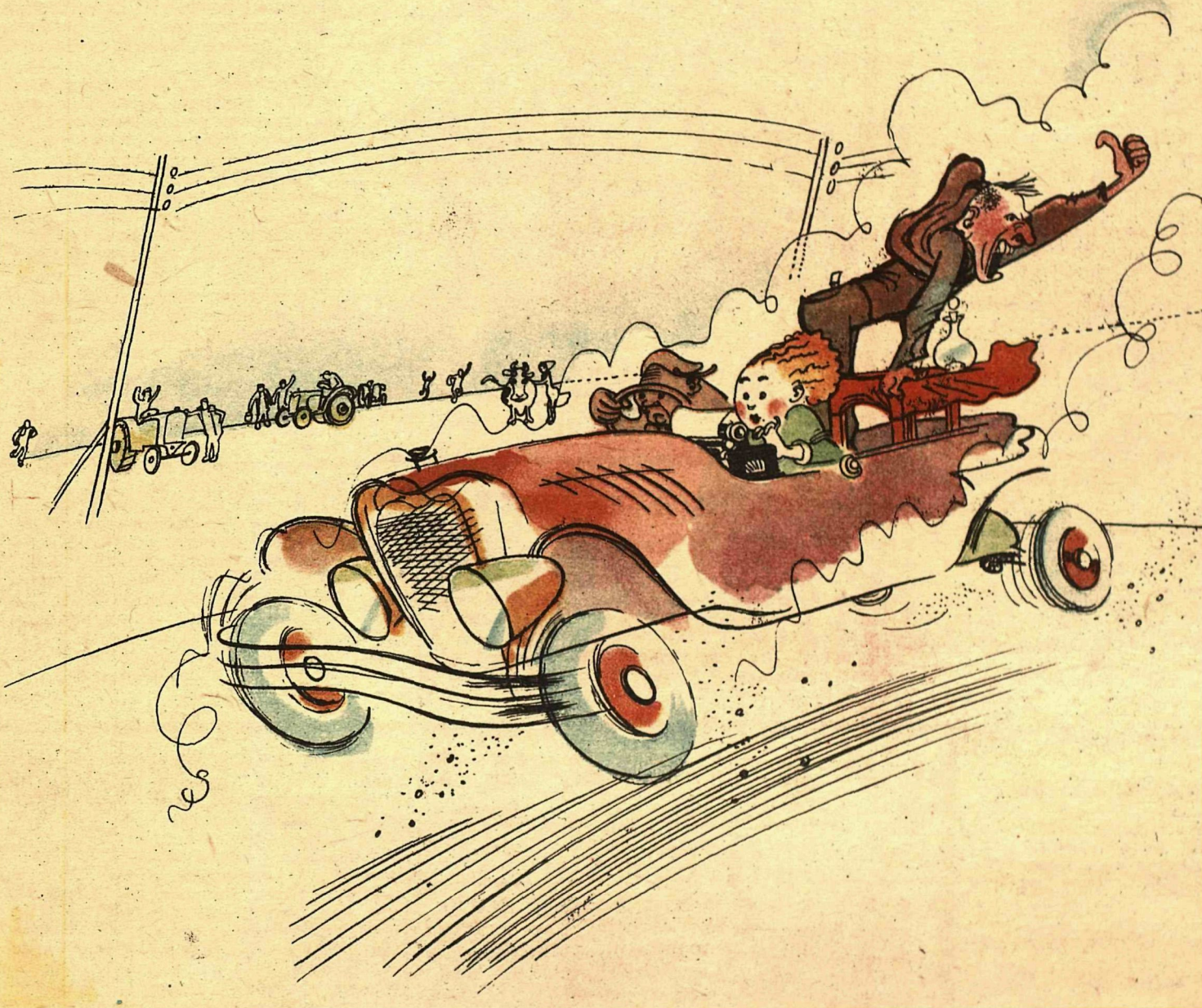
Сазонов вздохнул.

33

СО СКОРОСТЬЮ В 100 КОЛХОЗОВ В ЧАС

К. Ротова)

Многие районные работники посещают колхозы на-лету, не дав никаких конкретных указаний.

— Странно! Столько колхозов проехали, а никто еще в прениях по существу не выступил...

— Не успели. Надо бы, конечно, но прямо скажу — в три дня немыслимо. Впрочем три экспоната есть. Идемте.

Он показал плакат Изогиза. Лысый, толстый кулак в жилетке взламывает, как идиот, стенку хлебного амбара. Кулак прошлого года образца. Новые, наверно, еще только печатаются.

— Может, лучше было бы не выставлять?

— Но почему же? Мужественный Изогиз не скрывает ни своих достижений ни своих ошибок.

— Ах, как хорошо! Какая самоотверженность! Какая самокритика!

— А вот второй экспонат. Ведомость классовой борьбы. Составлена Горьковским краем.

Интереснейшая ведомость о нападениях на актив, о поджогах, о вредительстве могла бы служить гвоздем выставки. Но в Наркомземе скромность изумительная. Классовую борьбу он показывает в скупых канцелярских графах. Ни крику ни шуму. К чему?

— Вот третий экспонат — диаграмма одной из МТФ. В кружочках показаны цифры отравления скота и другие вредительские акты.

Материал исключительный. Но управление МТФ не гордое. Нет у него тщеславия. Оно не хочет быть

навязчивым. Найдешь диаграммку среди всех этих «ноль, ноль, девять десятых», — твое счастье. Не найдешь, — учишься разбираться в отчетности и бухгалтерии.

— Через трудности — к звездам! — улыбнулся интеллигент с наркомзёмовской бородкой.

„Заботится о росте масс“, — умильно подумал я, подавляя своего критиканского червя. Но червь явно поднимает голову. И к тому же у меня глаза стали нагло вылезать на лоб.

Почувствовав надвигающуюся опасность, я распрощался любезно с заведующим и поспешил к выходу. На лестнице червь остановил мое внимание на фотогруппе с надписью: „Президиум торжественного заседания ЦИЗО НКЗ СССР“. К чему, дескать? Но я снисходительно улыбнулся.

— Пустяки! Молодость! Избыток сил и бумаги!

Но не таков был червь.

В самый последний момент перед выходной дверью он у меня заворочался и засосал.

— Посмотри хотя на эту штуку!

На снимке — огромный боров, с облезшей клячьей щетиной. На боробе сидят верхом четыре парнишки. Очень забавно.

Но мой подлый червь скулит.

— Какое впечатление это произведет на колхозников? Бесхозяйственное обращение со свиньей. Почти вредительство.

Я почувствовал, — червяк хочет испортить так хорошо начатый мною положительный фельетон.

Я отмел червя. Я зажал его ненасытную сатирическую пасть. И в компенсацию за минуту колебания я заканчиваю свой положительный фельетон конкретным положительным предложением.

На кабанах нужно выезжать не так. Их следует привязать за илык и заднюю ногу, садиться на скамеечку и обстригать ножницами. Щетину с хребта и боковину складывать отдельно... Каждую весну такая парикмахерская операция даст не одну тысячу валюты.

Я бы это предложение опустил в специальный ящик. Но на выставке я его не заметил. Разве все успеешь повесить в три дня! И так повешано не мало.

Все равно. Опушу в фельетон. Важно, что червь не подточил фельетона.

Главное — я рад, я в восторге. Никого не обхамил и никого не отлестал.

Как хороша жизнь! Как приятно писать на положительные темы.

Б. САМСОНОВ

ЖИЗНЬ И КАНАРЕЙКА

Это было в морозный декабрьский вечер, когда даже неистовому примусу подмигиваешь, как доброму знакомому.

— Шумишь, старик? Ишь, распалился! А мне, брат, холодно. Хоть бы зашел кто-нибудь...

И вдруг дверь с треском распахнулась. В комнату ворвалась ватага давних приятелей, пропадавшая где-то, как говорится, на периферии.

— Да откуда вас черти принесли?! И как вы ухитрились все сразу собраться? Ну, рассказывайте!

Вскоре я уже знал, что Марк Ильдин вернулся из Архангельска после бескровных, но горячих боев за лесозэкспорт, что Мишка Тригер — только что из Астрахани, прямо с осенней путины, что Колька Лыжный всего лишь на днях спустился с высот 3-й магнитоторской домы.

Это было похоже на встречу запорожцев, вернувшихся из далеких походов.

Это был самый веселый вечер воспоминаний, это был, если хотите, торжественный пленум друзей. География, разделенная на края и области, прислала сюда своих представителей, и они, отнюдь не раздражаемые ведомственными противоречиями, наперебой выкладывали свои богатства.

— Да знаешь ли ты, что такое север? Повашему, непроходимая тайга, медвежьи тропы, одичалое безмолвие? Пустяки! Экзотика московских провинциалок! Шум и грохот стоит в лесу. Электричество проникло в медвежьи берлоги.

— Да, я это знаю по Сибири и по Уралу, — откликнулся другой. — В необжитой степи, на пространстве в 70 километров растет Магнитогорск. Горы до самых вершин опоясаны рельсами.

— Нет, по-моему, у вас определенная северомания. А я считаю, что Волга на ближайшие годы займет основное место. Особенно после соединения ее с Москвой. Три новых Днепростроя! Три колоссальных электрических станции вырастут на ее системе.

Неукротимый спор нарастал, как шквал, грозя обрушить трехногий стол вместе с чайником и стаканами.

— Да будет вам кричать! — раздался чей-то примиряющий голос, — давайте лучше поорем, что ли...

— И в самом деле, споем, ребята. Песня украшает жизнь.

— Мишка, начинай!

„Далеко в стране Иркутской...“

Голоса вяло подхватили:

„Средь тайги и диких брал
Погребен в снегах глубоких
А-а-лександровский централ...“

Песня так же неожиданно оборвалась, как и возникла.

— Нет, высоко взял.

— Это не подходит. Давайте что-нибудь хоровое, протяжное...

„Степь да степь кругом,
Степь широкая,
А в степи глухой
У-у-мирал ямщик...“

— Чорт знает что! — буркнул представитель степи и демонстративно закурил папироску.

— Что вы тянете акафист? — перебил Мишка.

Споем что-нибудь веселенькое, а? Ну, например:

„Раз полоску Маша жала,
Золоты снопы вязала,
Доля злая!
Эх, доля злая...“

Сперва песня занялась, как молодая заря, но на втором куплете один из хористов понес необычайную отсбину!

„Нет ни Машин ни полоски,
Эти песни старые, плоски,
Ну их к чорту...“

Раздался недобрый хохот.

— А знаете что, братцы. От этого пения

„Извела меня кручина —
Поднолодная змея...“

Остальные подхватили:

„Догорай, догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я...“

— Хватит! Кусочек на завтра оставьте.

В это время из-за тонкой перегородки слышался клеток.

Друзья затаенно прислушались.

— Что за чертовщина? Никак канарейка в клетке.

— Она самая.

— Кто это у тебя там живет?

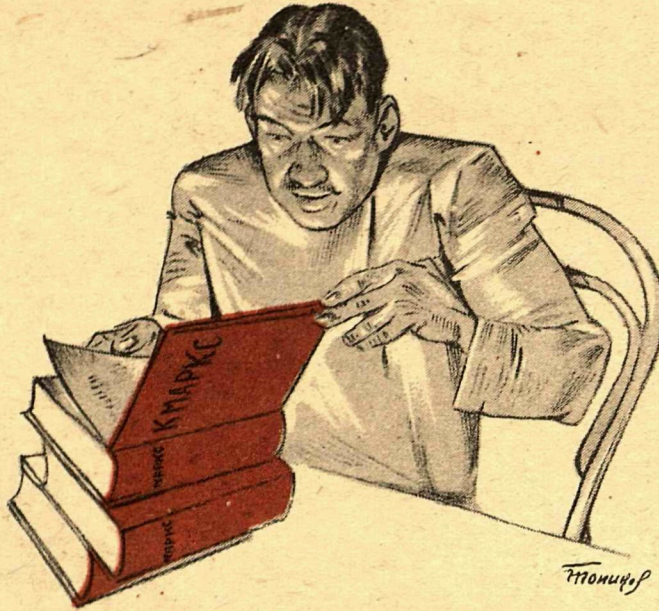
— Шут его знает. Какой-то покровитель музыки, нето из Музтреста, нето из Музгива.

— Оно и видно! На свою музыку ему трудно рассчитывать. Ребята! Неужто и нам обзаводиться канарейками?!

П. МАЙСКИЙ

ЗАПАРИЛСЯ

(Рис. А. Топикова)

— Чорт возьми! Завтра мой доклад к 50-летию со дня смерти Маркса, а у Маркса на этот случай ни одной цитаты нет.

ДЯДИ, КОТОРЫЕ КУШАЮТ СЫР

В старом учебнике французского языка Марго имеется такой вопрос: „Что это за шум в соседней комнате?“ И ответ: „Это мой дядя, который кушает сыр“.

Смысл в этой фразе до сих пор обнаружить не удалось, но если бы дело происходило в Минске, минчане единодушно ответили бы:

— А, знаем. Это про нашего наркомснаба, товарища Балтина. Правда, сам наркомснаб лично ни сыра ни масла не кушает свыше нормы, но в виду мягкости характера

наркома во всех соседних комнатах Минска различные дяди имеют сыр и масло.

Заготовки молочно-масляных продуктов в низовке Белоруссии идут довольно вяло. По крайней мере, план не выполнен. Но зато заготовки сыра и масла в кабинете наркомснаба идут блестяще.

Энергичные, настойчивые дяди с отношениями, заявками, просьбами, требованиями, мягким воркующим баритоном или приятным тенором изыскивают пути к сыру и маслу.

Умалить наркома нетрудно. Характер у него мягкий.

Налево росчерк — „Выдать сыр!“.

Направо росчерк — „Дайте масло!“

Что касается „шума в соседней комнате“, то и шум есть.

Производит его уполномоченный Наркомснаба СССР товарищ Жданов, командированный для усиления маслозаготовок в Белоруссии.

Резонно опасаясь, что заготовки в низовке не в состоянии конкурировать с заготовками в кабинете, Жданов отдал распоряжение — не выдавать масляных продуктов, „не взирая на лица и визы“, сверх нарядов и планов.

За что и бысть посрамлен.

Рассерженный наркомснаб отдал приказ по линии:

„Предлагаю всем работникам Наркомснаба БССР и Белконторы Союзмаслопрома прекратить всякие деловые отношения с Ждановым, скомпрометировавшим себя своими действиями“.

Полтора месяца шершавый Жданов подвергался бойкоту:

— Не шуми в соседней комнате. Чтобы было тихо!

Только спустя этот срок вышла амнистия шумливому Жданову.

Впрочем, масла и сыра от этого приказа вряд ли много прибавилось в заготовках белорусской низовки.

Кстати, о масле и сыре.

ЦКК ВКП (б) установила, что „по системе Маслопрома, Наркомсовхозов и Центросоюза разбазарено 1.192 тонны масла и 1.765 тонн сыра“.

Не слишком ли мало шума в соседних комнатах, когда некоторые дяди кушают сыр?

КРЕН

КРОКОДИЛ

№ 7.

МОСКВА

МАРТ 1933 г.

ПОД

РАЗВЕСИСТОЙ ШЛЯПОЙ

„АКТИВИСТ“

Рано утром, вместе с пухами, член ревизионной комиссии Ермолинского колхоза, что в Петрушкинском районе, Черемин уже на ногах. Он обходит колхозные владения и зорким хозяйским оком обозревает окрестности.

Глаз у Черемина острый, наметанный. Беспорядка он не допустит. Несет, к примеру, колхозник в колхозный амбар семена для посева. Черемин обязательно ему надороге встрянет, покрутит свои седые подусники, почешет бритый подбородок и солидно скажет:

— Иван Сергеичу почтенье! Семена несешь? Хо-

что маловато таких вот, как ты, старателей. До сих пор, почитай, что первый с семенами.

— Как первый, — удивляется колхозник, — да неужто первый? Да ведь как будто срок-то засыпки уж давно.

— Да ведь мало ли что срок. Не всякий же вот такой сознательный.

Другой — еловая голова, сначала подумает! Туда, мол, семена да сюда, мол, семена, да все по твердой цене. А на базаре-то ведь, сам знаешь, почем платят. Опять же другие, несознательные то-есть, и так расуждают:

К чему это, например, топиться. Ежели государству семена к посеву нужны, так пускай оно по весне и достает.

Болтают, понятно, всякую чушь.

Колхозник посмотрит на члена ревизионной комиссии, почешет затылок, подумает и повернет обратно.

Черемин пускает басовитый смехок вдогонку и шествует дальше. Останется возле колхозной молотилки, механика с собой захватит. Раздавят бутылочку с механиком, и все в порядке. Ну разве что пока молотилка без присмотра — унесут десяток другой снопов. Но ведь в большом деле не без убытка. Механик же дороже, чем десяток снопов.

Черемин человек бывалый, тонкий. Он обращение понимает. Встретит шляпу из колхоза, подержит за ручку, потолкует о том, о сем, о делах государственных, скажет, что зот, между прочим, тяжеловато, план, дескать, превеличенный, семян, мол, нет и не предвидится, в район, мол, написать бы надо.

И опять дальше.

Счетовода увидит, тоже найдет о чем поговорить, что посоветовать. Насчет уравниловки и прочих язв вспомнит.

— Сам понимаешь, я вот, например, день и ночь на ногах, за колхоз стараюсь. Активист все-таки, член ревизионной комиссии. Начальством тебе, между прочим, довожусь в некотором роде.

Смотришь, понял счетовод „тонкое“ обстоятельство, приписал лишних 15—20 трудодней.

В хозяйстве, как говорится, всякое лыко пригодно.

Единственно кого Черемин не выносит, так эту бедноту колхозную. Тут уж

он зря антимионии разводить не любит. Сплюнет сквозь зубы и скажет: „Бродите все тут, лодыри, паразиты, прохвосты, в шею вас из колхоза гнать надо!“ До всего Черемину дело есть. Целый день старается.

А вечером, отдыхая от трудов праведных, Черемин потягивает самогон и, расчувствовавшись, лезет на дно заветного сундучка.

Из сундучка вынимает он роскошную фотографию. На ней изображен он, сам Черемин, во всей славе своей. Грудь у Черемина колесом, кулак припаян к правому боку, глаза на выкате, форменная фуражка с кокардой ордена набекрень, а на выпуклой груди красуется целый иконостас медалей. Тут и за „старание“, и „за долголетнюю беспорочную службу в полиции“ и „за трехсотлетие дома Романовых“.

Большое у Черемина прошлое.

А о будущем он особенно не беспокоится. До района не близко, до центра еще дальше, а в колхозе под шляпой жить „активисту“ вполне свободно можно.

БЕН

О ЧЕМ НЕ МЕШАЕТ ВСПОМНИТЬ 8 МАРТА

(Из архива)

П Р И К А З

ОТ МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА ПО МОСКОВСКОЙ ПОЛИЦИИ

марта 29 дня 1822 г.

Отыскание: 4) Употребить все возможное старание к отысканию сошедшей 25 числа сего марта со двора из дому князей Голицыных в Яузской части состоящую коровы принадлежащей армянскому дворянину Ивану Измайлову, которая приметам: рыжепегая, к морде небольшое черное пятно, правой рога до половины сшиблен. Естьли в которой части она корова сыскана будет, от той препроводить ее в Яузскую часть для отдачи по принадлежности и по исполнении сего мне в то же время донести, а не окажется через четыре дня подать рапорты.

Ген.-майор ШУЛЬГИН

П Р И К А З

МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА ПО МОСКОВСКОЙ ПОЛИЦИИ

марта 4 дня 1822 года

Отыскание: 2) Предписываю г.г. частным приставам употребить все возможное старание к отысканию бежавшей жены Срепенской части трубочиста Семена Савельева Федосьи Тихоновой, которая приметам: росту среднего, лицом чиста, волосом темноруса, глаза темнокарие, 20 лет, одета в миткалевом белом платье, гарнитуговой старой темнозеленого цвета платок, обута в нитяных чулках и башмаках, естьли в которой части помянутая Тихонова сыскана будет, от той немедленно представить ее ко мне, а не окажется через четыре дня донести рапортами.

Ген.-майор ШУЛЬГИН

ПРЕДКОЛХОЗА И КЛЮЧ

Из одного колхозного амбара Исчезло пять мешков семян. Тут, очумевши, точно от угара, Правлень бросилось искать изъясн: Все стены трижды оглядели, В них — ни единой щели. Искали и подземный ход, А результат — все тот. Затем добрались и до крыши — Напрасный труд! И тут Нет входа даже и для мыши. И под конец опять проверили замок, — Замок в порядке! Тут предколхоза от исканий взмок И завопил: „Но где же ключ к загадке?!“

А ключик был в руках кладовщика, — У кулака!

В. ГРАНОВ

ВАМ ТЕЛЕГРАММА!

В колхозе „Вперед“ (Болховской р-н) правление платило писмонощцу 705 кило ржи, в то же время лучший ударник колхоза Абашин получал только 513 кило.

И почтальон неутоним, В признание за все заботы Доставит телеграмму им: „Освободить, мол, от работы!“

ПОЖАЛУЙТЕ В МОЛОТКУ

КАНИТЕЛЬ

(почти по Чехову)

— Пиши, пиши, — совал в нос председельскому села Зубарева уполномоченный Санковского района Митинев бумажку, — засыпать, стало быть, страховые фонды Тюкину, Булкину, Сидорову, Каюткину, Ванькину.

— Постой, постой, — бормотал пред, — как же так Ванькину? Ванькин же ж кулак. Его отсюда вывели давно.

— Ну, нет, так вычеркни, вычеркни! Других хватит. Пиши дальше: Старову, Хворову, Куделякину, Фордыбакину.

— Постой, постой, как же Фордыбакину, когда Фордыбакин в городе на заводе.

— Ну, нет, — вычеркни. Пиши Катькину, Вилкину.

— Да ведь Вилкин-то восемь лет как помер.

— Ох, дурак, прости господи, — рассвирепел Митинев. Не все равно тебе, кого писать. Ведь главное, чтоб бумажка в порядке была, а там разберут. Пусти, сам напишу.

АКТЫ И ФАКТЫ

„Сообщите вашу готовность к посевной кампании“, — запросил центр у замдиректора Тамизбекской МТС (Северный Кавказ) Ласкина.

— Есть, — бодро отрапортовал Ласкин. И составил акт. Отремонтировано 24 трактора. 100 процентов.

— Приготовьте ваши 24 трактора, — распорядилась область.

— Виноват, — поправился Ласкин, — отремонтировали только 12.

„Дайте ваши 12 тракторов“, — протелеграфировал район.

— Собственно говоря, у нас только 4 в исправности, — жизнерадостно ответил Ласкин.

— Высылайте в колхоз 4 трактора, — распорядился директор.

— Откуда, — обиделся Ласкин. — Два из них в неисправности, а у двух колес уперли.

ХОР БРАТЬЕВ КУЛАКОВЫХ

В ответ на требование Касимовского района собрать семена члены Ждановского сельсовета — Каширин, Кириухин, Жданов и Бурков дружно затянули хорovou:

— А семян-то будто нет, — пел Каширин.

— Очень просто, что и нет, — подтягивал Кириухин.

— Безусловно, что их нет, — тянул Жданов.

— И не предвидится, — басом закончил Бурков.

— Откуда ж вам это так точно известно? — поинтересовались в районе.

— Странный вопрос, — обиделся хор братьев Кулаковых, — кому, кому, а нам хорошо известно. Ведь мы-то сами не выполнили.

ПАССИВНЫЙ АКТИВ

В колхозе им. Володарского (Пугачевский район) счетовод Севастьянов, бывший партиз, умышленно запутывал отчетность и разбазаривал хлеб. Партийца зевала.

На счетовода поглазев, Воскликнешь моментально: — Эвал Видать, ячейка вместо сева Проводит здесь весенний... ЗЕВ!

Иллюстрации Л. Генча и Берингофа

ПЛАНИРОВАНИЕ

Крепко взялся Бобровский райколхозсоюз (ЦЧО) за утилизацию отбросов. Уж куда крепче... По всем колхозам он разослал такое распоряжение:

„Предлагается сдавать все трупы не разноразно-павших животных. Вашему колхозу „XII-й Октябрь“ на 1932—33 г. надлежит сдать павших трупов 22 центнера.“

Правление: БАБУШКИН, СПЕСИВЦЕВ“.

Есть все основания предполагать, что это распоряжение подписывали не живые люди, а районные трупы. И, наверно, уже разложившиеся!

ПОНЯЛИ

Начало сдельщины хорошо усвоено в колхозе „Новые Тарканы“ (Белоруссия, Мозырский р-н). Никакой обезлички, никакой уравниловки!

Правление колхоза закупило несколько ящиков водки и распределило ее по трудодням среди колхозников.

Как говорится, „кто не трудится, тот не пьет“.

КРУПНЫМ ПЛАНOM

Кино перестало быть „великим немым“. Кино заговорило. И заговорило оно о безобразиях на кинофабрике № 6 Союзкино в г. Шостка. Коммерческий директор фабрики Авербах в умиленном единогласии с председателем фабкома и другими близкими решили ликвидировать не нужные на складах запасы. И ликвидировали. Ликвидировали свыше пятисот метров мануфактуры, по-братски поделив ее между собою.

Таким образом по метражу руководители фабрики выполнили свой план с превышением.

Выдающийся случай, когда приходится снимать самих киноработников.

НЕСЧАСТЬЕ КОЛОШИ

Зав. артемовским отделением „Известий“ комсомолец Колоша страшно опечален. Он пишет в редакцию:

„ЗАВ. ОРГМАССОВЫМ СЕКТОРОМ „ИЗВЕСТИЙ“. Несмотря на ряд моих ходатайств перед Военкоматом, все-таки мне пришлось попасть в несчастный список. Иду в лагерь для прохождения лагерного сбора“.

Таков комсомолец, считающий несчастьем учебу в Красной армии.

— Эх, Колоша, Колоша!

К ВОПРОСУ О БЕССМЕРТИИ

Хотите стать бессмертным? Поезжайте в Ростов-на-Дону и устройтесь на службу в краевое финансовое управление. Бессмертие обеспечено.

Инспектор крайфу Циплаков попытался, было, тихо скончаться два месяца назад. В местной газете „Молот“ сослуживцы и в том числе сам начальник т. Нудыга выразили даже „глубокое прискорбие“. Был отдан и соответствующий приказ о „выбытии с сего числа“.

Но не тут-то было! Через 2 месяца раздается новый приказ:

„Тов. Циплаков Н. А. назначается внештатным инспектором Павловского райфо для проверки мобилизации средств и выполнения финплана.“

Нач. крайфу НУДЫГА“.

Вероятно, тов. Нудыга более основательно знаком с потусторонним миром, чем с собственным учреждением.

ФОРМУЛИРОВКА

Трогательную заботу о единоличнике проявляет „Восточносибирская правда“.

В № 209 она так прямо и пишет:

„Единоличник на селе забыт. Нельзя признать нормальным такое положение, когда органы Горфо при наличии в районе 3.588 единоличников выявили и обложили индивидуально только 9 кулацких хозяйств“.

Очевидно, редактору газеты так же трудно отличить единоличника от кулака, как и правый уклон от „левого“.

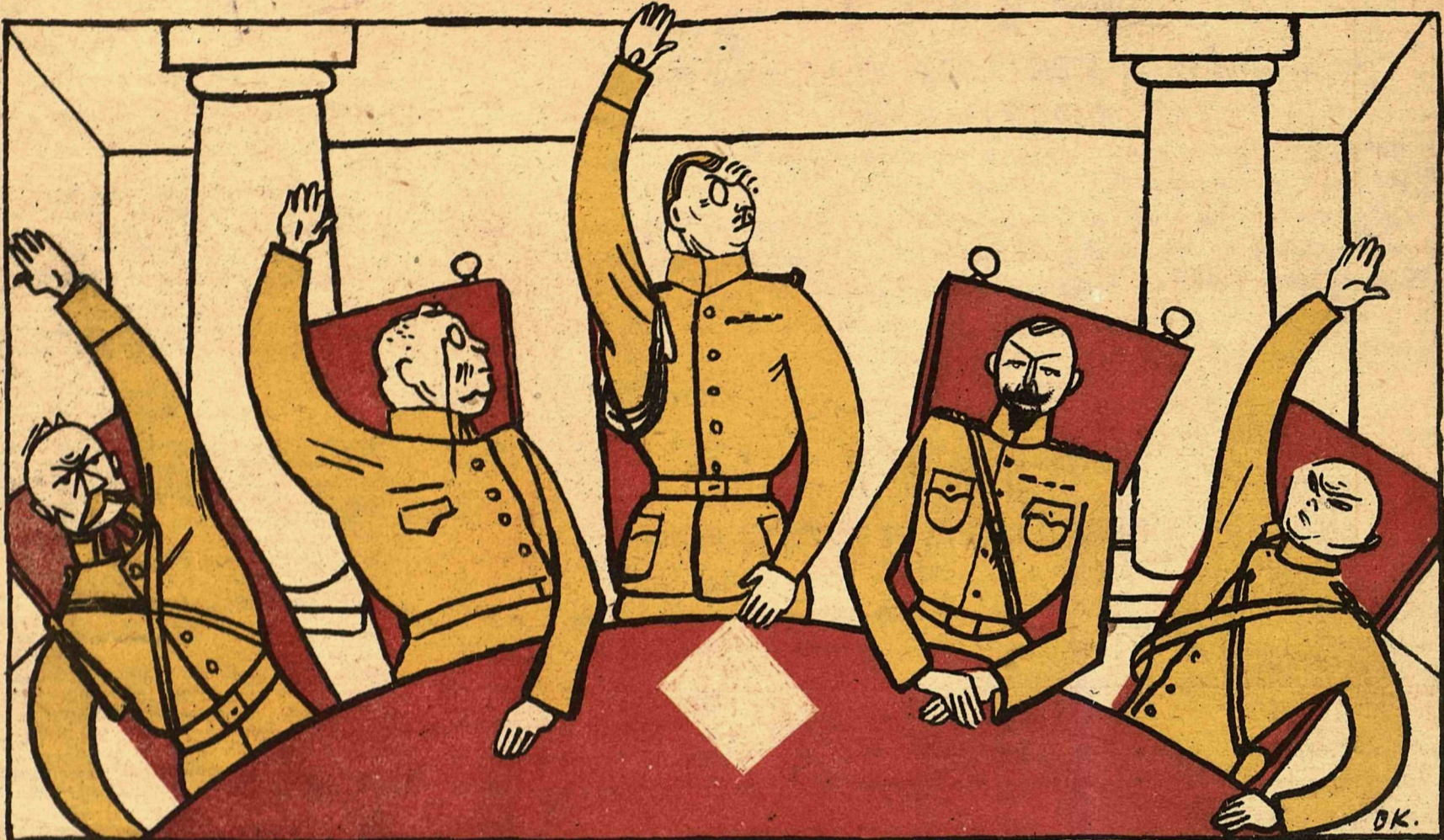
10072

Архив
19 МАР 1933

ВЕСКАЯ ПРИЧИНА

(По вопросу об интервенции)

(Рис. В. Коляниного)

— Почему вы воздерживаетесь?
— Потому, что я был на параде Красной армии в Москве!

МАЛЕНЬКАЯ ХИТРОСТЬ

Не знаю, как в Москве, а у нас в Ленинграде продаются только крупные электрические лампочки. Ну там на 150, 200 или 400 свечей. А которые потребители мечтают приобрести лампочку в 10 или там 15 свечей, то это оказывается бессмысленное мечтание. Таких лампочек в продажу не поступает.

Ну, я думал, отправляют эти маленькие лампочки на периферию для нужд деревни. И на этом успокоился.

Вот старые лампочки у меня перегорели. Я достал 3 штуки по 400 свечей и довольствовался этим ярким светом. Конечно, обидно. Очень светло. Главное — не узоры писать. В коридоре и в уборной такая бессмысленная яркость, что прямо худо делается. Но терпел.

А в этом месяце приходит счетчик. Начинает проверять, на сколько у меня энергии сожжено.

— Ого, — говорит, — у вас с каждым месяцем сумма возрастает. Что вы картошку, что ли, жарите на электричестве?

Я говорю:

— Нет, у меня крупные лампочки горят. И что мне делать — я сам не пойму. Безвыходное положение.

Ну, разговорился со счетчиком. Пятое-десятое. Выпил он у меня стакан чая. Булку съел. И после говорит:

— А знаете, почему нет маленьких лампочек? Сказать?

Я говорю:

— Скажите, только навряд ли мне от этого легче будет.

Он говорит:

— Тут наблюдается большая хитрость с маленькими лампочками.

Тут, говорит, все дело в бездушном канцелярском расчете...

— То-есть, говорю, как вас понимать?

Он говорит:

— Завод, предположим, должен выполнить свой план. Ну, вот они и выполнили.

— Нет, говорю, с тех пор как у меня бьет такой свет в квартире, голова у меня слабее работает, не понимаю вас.

— Чего же, — говорит, — не понимать. Ну, предположим, по плану надо заводу выполнить продукцию на миллион свечей. Ну, теперь представьте себе — начнут они этот миллион маленькими лампочками делать. Да они, черти, в два года не сделают. А большими лампочками они сделать берутся. Что маленькие лампочки, что большие — работа одинаковая. А количество штук требуется меньше. Вот они, черти, и надели на большие лампы. Пекут их, как блины. И план выполнен и на душе спокойно.

Я говорю:

— Но это же свинство! Это и нам мало радости и государство теряет лишнюю драгоценную энергию. Вон у меня, говорю, в уборной 400 свечей зря горит. Мне прямо совестно туда заходить.

Он говорит:

— Скажите спасибо, что они надели не на самые большие лампочки, хотя бы по 1.000 свечей.

Тут я вдруг рассердился:

— Чем, говорю, мне баки заколачивать, лучше бы посоветовали, где маленькие лампочки достать.

Он говорит:

— Я даром что служу на электрослужбе, но маленьких лампочек второй год в глаза не видел.

С этими словами он попрощался и отбыл. А я потушил в комнате свет, лег на кровать и в темноте стал думать о хитрости, на какую иной раз пускаются люди для выполнения своих канцелярских балансов.

МИХАЛ МИХАЛЫЧ

Ответственный редактор М. МАНУЛЬСКИЙ ● Редакция: Я. БЕЛЬСКИЙ, С. ДОРОФЕЕВ, М. МАНУЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ ● Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-18. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—90 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 198 Сдача текста и рисунков—13/II. Подпись к печати — 23/II. Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 176.000

Уполномоченный Главлита № В — 45178. 2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Суздальский вал, 49. Зак. № 414. Тираж 260.000

Оформление Л. Бродаты. Журнал набран и отпечатан во 2-й тип. изд. ЦК ВКП(б) „Правда“. Фотомашины — П. Мясков. Репродукция под руководством Г. Жиморкина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Зап. печат. отд. — Д. Егоров и А. Давыдов.